

Любовь и тайна

Читайте романы Татьяны Корсаковой

Алое на черном
Ничего личного
Беги, ведьма!
Ведьмин круг
Не буди ведьму
Хозяйка колодца
Утопленница, или Третий ключ
Дом у Чертова озера
Вечность, или Пепел феникса
Невеста, или Волчья кровь
Ночь, или Слеза ангела
Гостя, или Печать василиска
Колдунья, или Проклятый дар
Призраки, или Музы дождливого парка
Ловушка, или Самая темная ночь
Дежавю, или Час перед рассветом
Паломница, или Ведьмин клад
Смертельное танго
Ты, я и Париж
Избранница, или Судьба № 5
Найденыш, или Хрустальное сердце
Миллионер из подворотни
Мужчины не плачут
Ева, или Паутина чужих желаний

Татьяна
Корсакова

Мужчины не плачут

Москва
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Художественное оформление *Е. Анисиной*

Оформление обложки *Е. Черновой*

Корсакова, Татьяна.

К69 Мужчины не плачут : [роман] / Татьяна Корсакова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Любовь и тайна. Романы Татьяны Корсаковой).

ISBN 978-5-699-86997-8

Мужчины не плачут. Никогда. Даже если их кидают на арену к бешеным собакам на потеху жаждущим зрелищ толстосумам. Даже если погибает близкий человек. Даже если предает друг. И только когда испытания оказываются позади и любимая спасена, можно незаметно смахнуть со щеки соленую влагу, ведь мужчины не плачут — даже от счастья.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Корсакова Т., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-86997-8

Громкий рев, такой, что закладывало уши, не давал сосредоточиться. Серебряный оторвался от изучения нехитрого ассортимента коммерческого ларька, огляделся в поисках источника звука и нахмурился. В пяти метрах от него щекастый младенец раскачивал хлипкую коляску и орал на чем свет стоит. Никого из взрослых поблизости не наблюдалось. Серебряный пожал плечами и отвернулся: если родная мать считает возможным оставлять ребенка без присмотра, то ему, постороннему, какое дело! Лучше уж подумать о сигаретах. Те, что он курил обычно, внезапно закончились, а те, что лежали в витрине ларька, не внушали никакого доверия. Конечно, можно было потерпеть до дома и не рисковать здоровьем, но курить хотелось невыносимо.

Эх, лучше бы он отправил за сигаретами Степана! Тот в «народных марках» разбирался намного лучше. Но последние два дня водитель находился в душевном раздрае из-за болезни жены Аннушки, и Серебряный решил его не тревожить. Решил, и сам удивился своему альтруизму. А уж

как удивился Степан, когда босс, великий и ужасный, изъявил желание собственнлично сгонять за сигаретами! Серебряный спиной чувствовал недоуменный взгляд шофера.

«Мальборо», — решил он наконец и полез за бумажником.

Младенец продолжал орать.

Серебряный расплатился за сигареты, прочел предупреждение Минздрава о вреде курения и распечатал пачку. Сигарета была мерзкой. Он вдохнул едкий дым и закашлялся. Курить расхотелось.

Младенец продолжал орать.

Серебряный смял пачку, швырнул в урну, собрался уходить.

Младенец перестал орать и начал хрипеть.

Серебряный развернулся, скрипнул зубами и, дивясь собственному человеколюбию, направился к ребенку. При виде незнакомого хмурого дядьки младенец заинтересованно замолчал.

— Ты чего буянишь? — Наверное, он спросил что-то не то или не тем тоном, потому что младенец вдруг опять зашелся истошным воплем.

Угораздило же! Серебряный беспомощно огляделся, в надежде обнаружить поблизости беспутных родителей. Никого! Только удивленно таращащиеся прохожие.

— Тихо ты! — Он потряс коляску.

Младенец замолчал и улыбнулся щербатым ртом.

— Ну, все! — Рукавом пиджака Серебряный вытер вспотевший лоб. — Ты тут посиди, помолчи, а дядя пойдет...

За спиной послышался тихий рык, Серебряный обернулся и окаменел — в пяти метрах от него стоял огромный ротвейлер. Позвоночник сковало холодом. Он ненавидел и боялся собак. Это была его единственная, но неистребимая фобия. Он не выносил присутствия рядом с собой даже безобидных болонок и йоркширских терьеров. Он бросил любовницу, как только та решила завести собачку. Это четырехлапое чудовище не было безобидной болонкой. Оно в упор смотрело на Серебряного и недобро скалилось. Влип!

— Тише, собачка, тише...

Медленно, стараясь не делать резких движений, он начал пятиться.

Ротвейлер зарычал.

Серебряный замер, со свистом втянул в себя воздух.

Младенец радостно захихикал.

Пес внезапно сменил траекторию и направился к коляске.

Серебряный зажмурился. Он ненавидел себя за малодушие, но ничего не мог с собой поделать. Какое тут геройство, когда ноги от страха вросли в землю! Если бы он имел дело с человеком, а не с собакой... Против собаки он был бессилен, как этот бестолковый младенец.

И все-таки он решился: медленно, пересиливая страх, начал обходить ротвейлера. Нужно попытаться отвлечь псину на себя. Если все получится, он снова почувствует себя мужиком, а не тварью дрожащей... и месяца два не сможет спать из-за кошмаров.

Пес и младенец заинтересованно наблюдали за его маневрами.

— Ко мне, собачка, — прохрипел Серебряный.

Пес переступил с лапы на лапу, обнажил два ряда острых зубов.

— Ну, иди ж ты сюда, скотина! — Серебряный подобрал с земли камень, швырнул в собаку.

Ротвейлер зарычал, но с места не сдвинулся.

— ...Что вы делаете?! — слышался за спиной возмущенный голос.

Стараясь не выпускать пса из поля зрения, Серебряный обернулся. Растрепанная девица в безразмерном джинсовом комбинезоне сверлила его гневным взглядом.

— Уйди! — отмахнулся он и поднял с земли еще один камень.

— Да прекратите же! — взвизгнула девица и метнулась к коляске.

— Куда?! — Серебряный поймал сумасшедшую за руку, попытался оттащить в сторону. — Жить надоело?

— Пустите! А ну, пустите немедленно! — Девица больно лягнулась, зыркнула зелеными глазами.

Псина вскочила и, тихо порыкивая, начала приближаться.

— Да успокойся ты, дура! — зашипел Серебряный. — Видишь, собака!

— Сам ты дурак! — Острый локоть больно уперся в ребра. — Тайсон, сидеть! Я кому сказала — сидеть?!

Пес послушно замер, но продолжал буравить Серебряного недобрым взглядом.

— Так это твоя собака? — Возбуждение ушло, уступая место просто невероятной усталости.

— Конечно, моя! Чья же еще? — Девушка высвободилась из его объятий.

— А ребенок?

— И ребенок тоже мой! А вам что нужно?

Серебряный в сердцах сплюнул. Вот идиот! В героя решил поиграть, ребенка спасти от твари четырехлапой. А никого спасать, оказывается, не надо! И псина, и ребенок принадлежат вот этой растрепанной дурынде!

От пережитого, а еще больше оттого, что все его волнения оказались напрасными, Серебряный почувствовал себя сквернее некуда, снова захотелось курить. Девушка не сводила с него удивленно-настороженного взгляда, псина недовольно ворчала и пускала слюни.

— Мужчина, вам нехорошо?

— Отстань! — Серебряный раздраженно отмахнулся, достал из урны измятую пачку «Мальборо», выбил сигарету, нашарил в кармане зажигалку. На сей раз сигарета показалась ему восхитительной. Девушка неодобрительно покачала головой, отошла к коляске.

— Какого хрена ты ребенка одного оставила?! — неожиданно для самого себя рывкнул он.

— Что? — она обернулась.

— Твой ребенок орал как резаный, — уже спокойнее сказал Серебряный и затаился глубоко, до рези в легких.

— Я не оставляла его одного. С Ванькой был Тайсон.

— Да что ты говоришь?! С Ванькой был Тайсон! Не было с Ванькой Тайсона! И мамки не было! Мамка и Тайсон где-то шастали, а Ванька орал!

— О господи! — Девушка сгребла ребенка в охапку, осуждающе посмотрела на пса. — Тай! Ты где был, паршивец? Я тебе что велела?

Серебряный тяжело вздохнул и направился прочь. Глаза б не видели ни Ваньки, ни Тая, ни этой чокнутой.

— Мужчина!

Он не стал оборачиваться.

— Эй, мужчина!!! — Девушка не отставала.

— Ну? — Он нехотя остановился.

У нее было нескладное скуластое лицо, слишком большой рот, чересчур бледная кожа и волосы, похожие на паклю. Если бы не глаза, ярко-зеленые, с золотистыми крапинками, ее смело можно было бы назвать дурнушкой. Глаза определенно спасали положение.

— Ради бога, простите. Тай обычно никогда не отходит от Ваньки. Он вас очень сильно напугал?

— Слушай, шла бы ты со своим Таем...

Девушка осеклась, обиженно заморгала.

— Я только хотела извиниться...

— Извинилась? — рявкнул он. — Тогда топай отсюда!

Серебряный сам не до конца понимал причину своего раздражения. У него был тяжелый характер, он знал это как никто другой, но он никогда не

позволял себе грубить женщинам. Он их использовал, принимал на работу, увольнял, он спал с ними, но никогда не повышал на них голос. А сейчас вот сорвался...

Девица обиженно фыркнула, младенец заревел, псина зарычала...

— Сумасшедший дом! — Серебряный отшвырнул недокуренную сигарету, ускорил шаг.

— ...Что так долго, босс? — спросил Степан с фамильярностью, свойственной всем личным водителям без исключения.

— Сигареты выбирал, — буркнул Серебряный, тяжело опускаясь на пассажирское сиденье.

Смятая пачка «Мальборо» огнем жгла вспотевшую ладонь.

— Теперь домой? — спросил Степан.

— На кладбище.

Определенно это был день неожиданных решений — идея ехать на кладбище возникла внезапно...

Серебряный купил темно-бордовые розы, не глядя по сторонам, прошел к знакомой могиле, положил цветы на черный мрамор надгробия, устало опустился на маленькую скамейку, сказал:

— Ну, привет, Стриж.

Ему никто не ответил, но березы зашумели как-то по-особенному, и солнце выглянуло из-за туч.

...Стриж был славным парнем. Серебряный всегда завидовал его способности видеть в окружающем мире только хорошее. Вместе они пере-

жили столько, что хватило бы на десять человеческих жизней. У них не было детства. Их юность оказалась сплошным кошмаром. Воспоминания о ней до сих пор, спустя годы, вызывали боль. Серебряный стал тем, кем стал: холодным, расчетливым сорокалетним мужиком, а Стриж умудрился остаться мальчишкой: веселым и бесшабашным. Даже умереть умудрился молодым. Сукин сын...

В глазах защипало. Нет, он не плачет. Еще в четырнадцать они договорились, что не будут плакать никогда. Мужчины не плачут, а они не просто мужчины, они гладиаторы. Уже в четырнадцать они плевать хотели на боль и смерть...

Серебряный не плакал даже на похоронах Стрижа, даже после похорон, когда заперся в своем кабинете и в одиночку выжрал два литра водки. Окажись Стриж на его месте, он бы тоже не плакал...

Запиликал мобильный. Серебряный встrepенулcя, виновато посмотрел на черное надгробие.

— Прости, старик, мне пора.

Березы опять зашумели как-то по-особенному...

* * *

Ее разбудил Ванькин плач. Маша, еще до конца не проснувшись, села, нашарила тапки, пошатываясь спросонья, подошла к детской кровати, по пути наткнувшись на недовольно заворчавшего Тая.

— Соня, — буркнула она, обходя развалившегося у детской кровати пса.

Ванька хныкал во сне, одеяльце сползло, в темноте белели босые ножки. Маша потрогала простыню — мокрая. Придется перестилать, переодевать Ваньку. Как плохо, что подгузники закончились. Все-таки подгузники — величайшее изобретение человечества. Жаль только, что оно ей не по карману. Денег осталось только на детское питание для Ваньки и на корм Тайсону.

— Ничего, Вань, — приговаривала Маша, переодевая сына, — вот мамка сделает заказ, получит денежки и купит тебе памперсов. Потерпи чуть-чуть, уже скоро.

Вообще-то, Ваньке и без памперсов было не плохо. Просто ей самой приходилось чаще просыпаться, а это тяжело. Для нее оказалось намного легче недоесть, чем недоспать, а Ванька спать не давал.

Маша знала, что к малышам нужно вставать по ночам, но она не была готова к тому, что придется делать это так часто. Ваньке шел уже второй год, а она по-прежнему вставала к нему по десять-двенадцать раз за ночь. Спокойный и даже немного флегматичный днем Ванька ночью становился тревожным и капризным.

«А что ж ты, Машка, хочешь?! Дите грудью не кормила совсем, все смеси да смеси! Откуда ж ему быть спокойным?» — зазвенел в голове сварливый голос бабы Тони.

Скорее бы уже баба Тоня вернулась! Баба Тоня на несколько дней уехала в провинцию к родствен-

никам. Оставалось продержаться без нее совсем чуть-чуть. С ней и Маше было легче, и Ванька становился спокойнее. Господи, какое счастье, что она появилась в их с Ванькой жизни!

Маша передела сына, сбросила тапки, с головой укрылась одеялом. Сон, такой долгожданный и дорогой, как ветром сдуло. Вспомнился дневной инцидент. Высокий мужчина, еще не старый, но уже почти полностью седой, злые глаза, сигарета в дрожащих пальцах, обидные слова...

Чего он завелся? И вообще, нечего вмешиваться не в свое дело, если такой впечатлительный! Ваньку напугал, Тая разозлил, ее оскорбил... Маша раздраженно заворочалась, прогоняя желчного незнакомца на задворки памяти. У нее своих проблем достаточно. Вот, к примеру, нужно что-то срочно делать с волосами...

После родов с ее волосами, волнистыми и послушными, случилось что-то страшное. Они потеряли яркость и стали вдруг виться «мелким бесом». С копной этакого безобразия на голове Маша чувствовала себя полнейшей уродиной. Вчера она решила покраситься, сэкономила на парикмахерской, купила дешевую краску, и вот результат — волосы окрасились неравномерно, стали жуткого грязно-рыжего цвета. Хоть на улицу не выходи...

Маша тяжело вздохнула, повернулась на другой бок. Наверное, придется принять предложение Лики и сходить к ее стилисту. Может, еще не все потеряно и ее бедная шевелюра подлежит рестав-

рации? А когда-то давно, еще в прошлой жизни, Антон говорил, что у нее чудесные волосы.

Сердце болезненно заныло. Маша запрещала себе думать об Антоне, и обычно у нее это получалось. Обычно, но не этой ночью...

Они учились на одном курсе: Антон Погорелов — красавец, дамский любимчик, душа компании, и она, Маша Литвинова — тихая, невзрачная, никакая. Они были с разных планет. Их орбиты не могли пересечься никогда, но однажды они все-таки пересеклись...

У Маши была своя квартира, оставшаяся после смерти бабушки «сталинка» почти в центре. Когда однажды перед одноклассниками встал вопрос, где встречать Новый год, Маша, не задумываясь, пригласила всех к себе. Она знала, что это будет очень хлопотно, что придется полдня стоять у плиты, а потом прислуживать гостям «на правах хозяйки», а гости обязательно что-нибудь разобьют или сломают, замызгают ванную и туалет, и утром придется мыть горы посуды, делать уборку и выслушивать нотации от потревоженных соседей. Но ее день рождения случался как раз в канун Нового года, и ей так не хотелось отмечать его в одиночестве.

И еще, Маша даже себе не хотела в этом признаваться, была надежда, что кто-нибудь вспомнит про ее день рождения, и хоть на минуточку на нее обратят внимание. Она не ждала подарков, внимание — вот единственное, чего ей хотелось.